

Брет Гарт

**Собрание сочинений Брет
Гарта. С биографи ческим
очерком и портретом автора**

Книга 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г21

Г21 **Гарт Б.**
Собрание сочинений Брет Гарта. С биографи ческим очерком и портретом
автора: Книга 5 / Брет Гарт – М.: Книга по Требованию, 2021. – 126 с.

ISBN 978-5-517-97349-8

ISBN 978-5-517-97349-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отъ качки; но она уже успѣла добраться до перилъ и была въ безопасности.

— Миссъ Кинъ! — воскликнули они.

— Извините! — сказала молодая дѣвушка, краснѣя и простодушно улыбаясь въ смущеніи. — Въ каютѣ такая духота и мнѣ казалось такимъ наслажденіемъ подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Я поплатилась за свое легкомысліе, очутившись словно на покатои крышѣ дома.

— Ваша рѣшимость будетъ вознаграждена, — сказали Перкинсъ, любезно приглашая ее сѣсть на придвинутый имъ стулъ. — Теперь вы въ полнѣйшей безопасности, — добавилъ онъ, хватаясь рукою за конецъ каната, чтобы самому не упасть.

— Посмотрите, какое чудное зрѣлище: солнце только-что начинаетъ появляться на горизонтѣ!

Молодая дѣвушка посмотрѣла широко раскрытыми глазами на необъятное водное пространство, и вмѣсто улыбки на ея смущенномъ личикѣ изобразилось удивленіе; она даже пемного открыла ротикъ. Лучи восходящаго солнца освѣщали гребни волнъ, окрашивая ихъ багрянцемъ и пурпуромъ. Блескъ ихъ напоминалъ блескъ огромныхъ стеклянныхъ глыбъ; казалось, что ударяясь о корабль, они должны со звономъ распадаться, вдребезги. Море какъ будто превратилось въ огромную массу окрашеннаго стекла. Переливы цвѣтовъ ласкали взоръ и никакая кисть не могла бы изобразить ихъ на холстѣ.

— Алмазная долина Спнбада! — прошептала съ какимъ-то благоговѣніемъ миссъ Кинъ.

— Приливъ въ Калифорнскомъ заливѣ, какъ говорятъ моряки, — сказали хладнокровно Банксъ. — Но я рѣшительно не понимаю, почему мы...

— Калифорнскій заливъ? — спросила миссъ Кинъ съ выраженіемъ разочарованія на лицѣ. — Слѣдовательно, мы ужъ далеко!..

— Но не отъ Калифорніи, милѣйшая миссъ Кинъ, — сказалъ Перкинсъ, — а отъ полуострова Калифорнія, который представляетъ собою часть Мексики. Онъ оканчивается мысомъ св. Луки, въ ста миляхъ отсюда; до Санъ-Франциско—главнаго города Верхней Калифорніи—намъ еще очень далеко. Мнѣ кажется, что вы съ меньшимъ потерпѣніемъ ожидаете конца путешествія, чѣмъ нашъ другъ, мистеръ Банксъ.

Улыбка, появившаяся было на лицѣ миссъ Кинъ, снова псчезла и оно приняло озабоченное выраженіе.

— Путешествіе не показалось мнѣ скучнымъ, — съ живостью сказала она и затѣмъ, видимо желая переменить раз-

говоръ, спросила: — Какой это полуостровъ? Когда-то я знала, когда училась въ школѣ.

— Это полуостровъ, не представляющій никакого интереса, — рѣзко замѣтила Банксъ, — эти мѣста — пустыни, тамъ нѣтъ никакой торговли.

— Не могу согласиться съ вами, — сказалъ Перкинсъ. — Насколько мнѣ извѣстно, вдоль берега расположено нѣсколько старинныхъ мексиканскихъ поселковъ, а это доказываетъ, что почва здѣсь плодородная. Впрочемъ, быть-можетъ, намъ удастся поближе ознакомиться съ этой страной, такъ какъ, не посѣтивъ Мазатлана, намъ придется остановиться въ этихъ мѣстахъ, чтобы запастись водой. Всѣ они намъ по пути, тогда какъ, если бы мы посѣтили Мазатланъ, то потеряли бы три дня. — За мѣтивъ недовольную мину Банкса, Перкинсъ продолжалъ: — Вѣроятно, такъ и рѣшилъ нашъ капитанъ. Но къ чему загадывать впередъ? Быть-можетъ, капитанъ готовитъ намъ неожиданный сюрпризъ. Миссъ Кинъ, я старался усвоить этого дѣловаго человѣка моею философіею, но это мнѣ рѣшительно не удалось. Онъ несправимъ. Въ настоящую минуту онъ безутѣшенъ, потому что не можетъ получить изъ Мазатлана новѣйшихъ извѣстій о томъ, какъ стоитъ курсъ, тогда какъ ему слѣдовало бы быть благодарнымъ судьбѣ, что она послала ему такой денекъ, когда онъ можетъ подышать чуднымъ морскимъ воздухомъ и хоть немного позабыть о своихъ дѣлахъ.

Шутливымъ актерскимъ жестомъ онъ совершенно развязалъ свой, и безъ того слабо повязанный, галстукъ, еще болѣе вытянулъ концы байроновскаго не накрахмаленнаго воротничка и сталъ жадно вдыхать дѣйствительно чудный утренній морской воздухъ полною грудью, повернувшись лицомъ къ вѣтру. Его собесѣдниковъ это нисколько не удивило, такъ какъ они уже привыкли къ выходкамъ Перкинса.

Море шумѣло, озаряемое утреннимъ солнцемъ, пробуждавшимъ его къ новой жизни; казалось, словно минувшая ночь была навѣки погребена въ бушующихъ волнахъ. Вдали показались коралловые рифы. Постепенно все было охвачено живительнымъ свѣтомъ возшедшаго дневного свѣтила.

Тѣмъ не менѣе, взоры миссъ Кинъ отъ времени до времени обращались къ лѣстницѣ, ведущей въ каюты. Спустя нѣсколько минутъ тамъ дѣйствительно показалась голова, а затѣмъ плечи и туловище поднимавшагося на палубу пассажира; какъ разъ въ это время миссъ Кинъ пристально смотрѣла на золотыя солнечными лучами волны съ ихъ колоссальными золотистыми гребнями. Пассажиръ, появившійся на палубѣ, былъ молодой человѣкъ; онъ очень удивился, увидя миссъ Кинъ въ столь

ранній часъ, а миссъ Кинъ была не менѣе удивлена его неожиданнымъ появленіемъ. Нужно, однако, замѣтить, что это взаимное изумленіе ежедневно повторялось ровно въ теченіе трехъ недѣль. Оба постороннихъ свидѣтеля этой милой комедіи, притворившись ничего не понимающими, удалились подѣ какимъ-то пустымъ предлогомъ, оставивъ молодыхъ людей вдвоемъ.

Смушеніе и неловкость, которыя послѣдніе испытывали при каждой встрѣчѣ, на этотъ разъ были продолжительнѣе обыкновеннаго.

— Повидимому, мы не заѣдемъ въ Мазатланъ, — сказала миссъ Кинъ, желая нарушить продолжительное молчаніе и не отрывая взоровъ отъ моря.

— Нѣтъ, — робко отвѣтилъ молодой человекъ. — Объ этомъ я слышалъ уже внизу; всѣ негодуютъ. Мнѣ кажется, миссисъ Маркгамъ организуетъ депутацію къ капитану. Повидимому, помощникъ капитана или кто-либо другой изъ начальствующихъ на кораблѣ рѣшилъ, что и безъ того потеряно слишкомъ много времени и потому слѣдуетъ прямымъ путемъ идти къ мысу св. Луки. Этимъ выгадывается четыре дня. А Мазатланъ остается въ сторонѣ. Мнѣ кажется, вамъ это совершенно безразлично, миссъ Кинъ?

— Мнѣ? Конечно! — поспѣшно отвѣтила дѣвушка.

— Очень сожалѣю объ этомъ! — задумчиво воскликнулъ онъ.

— Неужели? Стало-быть, вамъ еще не подоѣло пребываніе на кораблѣ?

— О, нѣтъ! — откровенно отвѣтилъ онъ. — Мнѣ было бы очень пріятно отстрочить нашу разлуку хотя бы на четыре дня.

Онъ покраснѣлъ и умолкъ. Наступило неловкое молчаніе. До нихъ съ другого конца палубы доносился шумный споръ Перкинса и Банкаса о политикѣ. Миссъ Кинъ засмѣялась.

— Мы еще такъ далеко отъ Санъ-Франциско, что вы, пожалуй, успѣете перемѣнить свои мысли.

— Никогда! — многозначительно воскликнулъ онъ.

Онъ подошелъ къ ней поближе, словно желая подтвердить свои слова. Она мелькомъ взглянула на спорившихъ о политикѣ и осторожно отодвинулась.

— Знаете ли, — сказала она неожиданно, смягчая ласковой улыбкой свое движеніе, — мнѣ порою просто не вѣрится, что я дѣйствительно ѣду въ Санъ-Франциско. Сама не знаю, что это значить, но я рѣшительно не могу представить себя тамъ.

— Я бы очень желала, чтобы вы могли представить себя это, потому что я їду туда.

Какъ будто не разслышавъ или не понявъ этого намека, она серьезно продолжала:

— По временамъ эта мысль становится во мнѣ настолько преобладающей, что я поневолѣ становлюсь суевѣрной. Во время страшной бури, перенесенной нами послѣ того, какъ мы покинули Кальяо, я такъ и думала, что это было предчувствіемъ нашей гибели.

— Если бы мы погибли вмѣстѣ, то я не считала бы это для себя худшимъ изъ всѣхъ бѣдствій, которыя могутъ меня постигнуть. Я помню эту бурю, миссъ Кинъ!.. Я помню...

Онъ робко замолчалъ.

— Что помните? — спросила она, ласково улыбаясь и въ первый разъ посмотрѣвъ ему въ лицо.

— Я помню, что просидѣлъ всю ночь у дверей вашей каюты съ пробковой курткой и съ разными спасательными снарядами, которые приготовилъ для васъ. Я твердо рѣшилъ скорѣе погибнуть, чѣмъ предоставить васъ этимъ разбойникамъ, чѣмъ ставить вашу жизнь въ зависимость...

— Но какъ же вы хотѣли предотвратить это? — спросила миссъ Кинъ полуслушя, полуснисходительно.

— Я и самъ хорошенько не зналъ, — отвѣтилъ онъ, снова покраснѣвъ. — По всей вѣроятности, я привязалъ бы васъ къ какому-нибудь бревну и поплылъ бы рядомъ съ вами. Быть-можетъ, волны выбросили бы насъ на берегъ или на какой-нибудь островъ.

— А бѣдныя миссисъ Маркгемъ и миссисъ Бриммеръ? Ихъ бы вы предоставили власти «этихъ разбойниковъ» матросовъ, я полагаю? — улыбаясь произнесла миссъ Кинъ.

— Ну, о миссисъ Маркгемъ нашлось бы кому позаботиться! А миссисъ Бриммеръ ни за что не согласилась бы быть спасенной человѣкомъ, ей мало знакомымъ. Впрочемъ, что объ этомъ говорить! — съ досадою воскликнулъ онъ. — Ничего не случилось и, надо полагать, не случится. Вы будете въ Санъ-Франциско и увидите тамъ сами себя, хотя, быть-можетъ, не увидите тамъ меня. Вы їдете къ богачу-брату, миссъ Кинъ, у котораго много друзей и знакомыхъ; онъ и вниманія не обратитъ на бѣдняка, къ которому вы были снисходительны во время путешествія, но который не имѣетъ счастья принадлежать къ кругу знакомыхъ миссисъ Бриммеръ и не ведетъ торговыхъ дѣлъ съ мистеромъ Банксомъ.

— Вы не знакомы съ моимъ братомъ, мистеръ Бресъ?

— Не больше васъ, миссъ Кинъ. Вы, кажется, говорили не далѣе какъ вчера, что едва помните его.

Молодая дѣвушка вздохнула.

— Я была еще ребенкомъ, когда онъ отправился въ Калифорнію. Но все-таки я его помню. Я не сомнѣвалась, онъ будетъ очень радъ, узнавъ, что я была такъ счастлива здѣсь, и онъ будетъ признателенъ всѣмъ тѣмъ, кому я этимъ обязана.

— Такъ вы говорите, вы были счастливы здѣсь?

— О, да, очень!

Она отвела взоры свои въ сторону и стала смотрѣть на дверь, ведущую въ каюты.

— Всѣ здѣсь были такъ ласковы со мной! — добавила миссъ Кинъ.

— И вы всѣмъ одинаково признательны?

— Да.

— Одинаково?

Корабль внезапно покачнулся впередъ. Миссъ Кинъ невольно подняла свою маленькую ручку, словно желая удержаться за что-нибудь. Молодой человѣкъ поспѣшно схватилъ ее.

— Одинаково? — повторилъ онъ, горько и въ то же время цедовѣрчиво посмѣиваясь. — Одинаково, какъ его преподобію сладкогласному мистеру Перкинсу, такъ и мрачному мистеру Чарльстону, который никогда не улыбается?

Она быстро отдернула руку и встала.

— Я слышу запахъ кушанья, — смѣясь, сказала она. — Не ужасайтесь, мистеръ Бресъ, я страшно голодна. — Она взяла его подъ руку: — Помогите мнѣ сойти въ каюту.

Только къ полудню боковая качка прекратилась и пассажиры высыпали наверхъ. Даже м-съ Бриммеръ и миссъ Чебъ вышли изъ своихъ каютъ и были торжественно усажены на импровизированный диванъ изъ подушекъ и пледовъ. М-съ Бриммеръ, какъ дочь богатаго бостонца, сестра знаменитаго адвоката и жена счастливаго санъ-францискаго купца, имѣвшаго пап на владѣніе «Эксцельсіоромъ», была признана первой особой, и въ качествѣ первой особы пользовалась то особымъ вниманіемъ, то ненавистью. Пассажиры другого пола смотрѣли на миссисъ Бриммеръ, какъ на хорошенькую женщину, умѣвшую при случаѣ пускать въ ходъ свои темные, съ длинными рѣсницами, глаза. Такой же хорошенькой считали миссъ Чебъ, ея пріятельницу и спутницу.

Между миссисъ Марктемъ, миссъ Кинъ и двумя пріятельницами не было открытой ненависти но положительно существо-

вало соперничество. Миссъ Кинъ была единогласно признана красавицей «Экспельсіора», точно такъ же всѣми единогласно было признано умственное превосходство миссисъ Маркгемъ.

Въ это утро миссисъ Бриммеръ раздѣляла неудовольствіе Банка, что «Экспельсіоръ» не зашелъ въ Мазатланъ. Она дала ему даже мѣсто около себя на подушкахъ и задумчиво высказала предположеніе, что мужъ ея будетъ огорченъ еще больше, чѣмъ она.

— Что это?—сказала вдругъ миссъ Чебъ, указывая на нѣсколько пассажировъ, о чемъ-то горячо разсуждавшихъ съ помощникомъ капитана.—О чемъ они толкуютъ? Пойдите, узнайте!—обратилась она къ пассажиру м-ру Кросби.

Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ къ нимъ подошелъ м-ръ Винслоу.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ онъ.—Чарльстонъ пропалъ. Нигдѣ его не найдутъ! Онъ, должно-быть, свалился за бортъ.

Крики ужаса, вырвавшіеся изъ груди Бриммеръ и Чебъ, отвлекли всеобщее вниманіе отъ внезапной блѣдности, покрывшей лицо миссъ Кинъ, невольно подошедшей къ нимъ.

— Какъ ужасно, что никто этого не зналъ,—дрожа всѣмъ тѣломъ, сказала она:—Мы сидѣли тутъ, смѣялись, болтали, а онъ, можетъ-быть... Господи! что это?

Послышалась грубая команда; нѣсколько матросовъ бросились къ шлюпкѣ.

— Спускаютъ шлюпку, вотъ и все; только это бесполезно,—сказалъ Бресъ.—Несчастіе, должно-быть, случилось до зари, иначе вахтенный замѣтилъ бы. Вѣроятно, это было задолго до того, какъ мы вышли наверхъ,—тихо прибавилъ онъ,—поэтому успокойтесь, миссъ Кинъ, вы не могли этого видѣть.

— Не ужасно ли,—прошептала дѣвушка,—что его даже не хватились. Но вѣдь вы-то,—вдругъ прибавила она, поднявъ на Бреса свои кроткіе глаза,—должны были замѣтить его отсутствіе; и отчего это я...

Она остановилась въ смущеніи, котораго, однако, никто не замѣтилъ вслѣдствіе возгласа Винслоу:

— Капитана, наконецъ, откуда-то выудили, и онъ отдаетъ приказанія. Однако онъ и сегодня не похожъ на чело-вѣка, сознательно управляющаго кораблемъ,—прибавилъ онъ при видѣ коренастаго, сѣдоваатаго господина съ припухшимъ лицомъ и глазами, и сильнымъ пьянымъ голосомъ.—Кажется, онъ прокликаетъ свою судьбу, что ему приходится остановиться и не воспользоваться попутнымъ вѣтромъ.

— Но вѣдь это ради спасенія жизни человѣческой!— вскричала Маркгеми.

— Онъ очень хорошо знаетъ, что, спустивъ теперь лодку, ничьей жизни не спасешь. Онъ дѣлаетъ это для виду, чтобы успокоить васъ, дамы.

— Такъ вы увѣрены, что онъ потонулъ?—со слезами на глазахъ спросила миссъ Кинъ.

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнья, —отвѣчалъ Винслоу.

— Я съ вами не могу согласиться, —проговорилъ сладкозвучный голосъ.

Всѣ быстро обернулись.

— Я не согласенъ съ моимъ молодымъ другомъ, —любезно продолжалъ сеніоръ Перкинсъ:—несчастье, вѣроятно, произошло на разсвѣтѣ, когда мы были у самаго берега. Хорошій пловецъ могъ вплавъ достигнуть берега, или же, —прибавилъ онъ, видя что глаза миссъ Кинъ засіяли надеждой:—его могли принять на проходившее мимо судно. Въ это время между нами и берегомъ виднѣлся дымъ большого парохода.

— Парохода!—съ жаромъ вскричалъ Банксъ, —это навѣрное былъ почтовый пароходъ. Какъ досадно!

Онъ жалѣлъ о неполученныхъ имъ письмахъ! Миссъ Кинъ отвернулась. Ей былъ противенъ этотъ эгоизмъ.

— Мнѣ кажется, что сеніоръ правъ, миссъ Кинъ, —сказалъ Бресъ, —отходя съ нею въ сторону, —и знаете, почему я такъ думаю? Если бы онъ хотѣлъ лишиться себя жизни, онъ оставилъ бы письмо. Онъ, просто, должно-быть, бросился, чтобы вплавъ достигнуть берега.

— Но зачѣмъ же онъ хотѣлъ непременно сойти съ корабля?—спросила дѣвушка.

Молодой человѣкъ многозначительно посмотрѣлъ на нее.

— Можетъ-быть, у него были причины не ѣхать въ Санъ-Франциско, гдѣ наши законы очень строги. Предположите, что онъ совершилъ какое-нибудь преступленіе?

Дѣвушка съ негодованіемъ приподнялась.

— Это просто позоръ! Кто рѣшается говорить такимъ образомъ?

Бресъ весь вспыхнулъ.

— Какъ кто? Всѣ, —возразилъ онъ, —весь корабль говорить это.

— Такъ ли? И, не зная хорошенько, живъ онъ или нѣтъ, или борется еще со смертью, люди не находятъ ничего луч-

шаго, какъ марать его репутацію?—вскричала она, сверкая глазами.

— Я поступилъ хуже этихъ людей,—краснѣя отъ негодовація, отвѣчалъ онъ.—Мнѣ слѣдовало помнить, что я говорю съ его защитницей. Извините, пожалуйста.

Онъ повернулся, а миссъ Кинъ молча отошла на другую сторону палубы и начала говорить съ Маркгемъ.

Она скоро убѣдилась, что весь корабль раздѣлялъ миѣнне Бреса. По приказанію капитана, каюта несчастнаго пассажира была заперта, и дверь запечатана. Одинъ только Перкинсъ оставался попрежнему спокоенъ.

— Какъ мы всѣ были счастливы до этой минуты,—сказала миссъ Кинъ, поднимая на него свои кроткіе глаза,—и какъ жестоко пробудились отъ нашего блаженнаго покоя. Теперь я не могу отдѣлаться отъ мысли, что это—начало нашихъ бѣдствій. Господи! что это?

Она вздрогнула, увидавъ черное лицо одного изъ матросовъ, внезапно выросшаго точно изъ-подъ земли.

— Сеніоръ Перкинсъ,—сказалъ онъ, прикладывая руку къ непокрытой головѣ.

— Вы спрашиваете меня, мой милый?—отеческимъ голосомъ сказалъ Перкинсъ.

— Si, сеніоръ; помощникъ капитана желаетъ видѣть патрона.

— Сейчасъ приду.

Матросъ не уходилъ. Перкинсъ подошелъ къ нему ближе. Матросъ поднялъ на него глаза и произнесъ испанское слово:

— Вигилансія.

— Хорошо,—ласково отвѣчалъ сеніоръ.—Извините меня, я сейчасъ вернусь,—обратился онъ къ дамамъ.

— Можеть-быть, вы узнаете что-нибудь о бѣдномъ Чарльстонѣ? — сказала миссъ Кинъ, инстинктивно начиная надѣяться.

— Почему знать?—отвѣчалъ Перкинсъ, дѣлая жестъ рукой и уходя за своимъ провожатымъ. — Слѣдуетъ всегда надѣяться на хорошее.

II.

Второе предзнаменованіе.

Не сказавъ больше ни слова со своимъ спутникомъ, Перкинсъ дошелъ до главнаго люка, въ который оба они спустились и пошли по полутемной второй палубѣ. Тутъ имъ попались навстрѣчу два или три человѣка; узнавъ сеніора, они

смутились и отошли, какъ испуганныя животныя при видѣ своего укротителя. У носового люка стоялъ караульный, и за нимъ группа, освѣщенная фонаремъ. Группа состояла изъ помощника капитана, штурмана, злобнаго матроса-перувіанца и пропавшаго Чарльстона, который сидѣлъ на полу, закованный въ цѣпи.

— Разсказывай все, какъ было, Тотто, — сказала помощникъ капитана перувіанцу.

— Это было, патронъ, на зарѣ, еще раньше, чѣмъ мы повернули, — началъ матросъ по-испански, — мнѣ показалось, точно кто-то пробирался къ носовому люку, но я не обратилъ на это вниманія. Потомъ я услыхалъ здѣсь шорохъ, спустился и нашель его. Онъ хотѣлъ тутъ спрятаться. Около него лежалъ вотъ этотъ свертокъ. Я схватилъ его, патронъ, а онъ сталъ отбиваться и ударилъ меня вотъ сюда — онъ указалъ на свою еще влажную перевязку — и непременно бросился бы за бортъ, если бы штурманъ не услыхалъ тутъ возни и какъ разъ во-время не подоспѣлъ сюда.

— Какъ же онъ объясняетъ это?

— Онъ отказывается говорить.

— Снимите съ него кандалы, — сказалъ по-англійски Перкинсъ.

— Однако... — возразилъ штурманъ.

— Я сказалъ: снимите кандалы, — сухимъ, строгимъ голосомъ повторилъ сеніоръ.

Матросъ и штурманъ сняли кандалы. Арестантъ поднялъ глаза на Перкинса. Это былъ худощавый мужчина лѣтъ тридцати, съ бѣлокурыми волосами и впалыми щеками. Его короткая верхняя губа не закрывала вполне зубовъ, но черты лица были правильны, а большіе голубые глаза выражали смѣлость и кротость.

— Хорошо, — тѣмъ же тономъ сказалъ сеніоръ. — Теперь оставьте меня съ нимъ.

Моряки посмотрѣли другъ на друга, не зная, что дѣлать; но, взглянувъ на Перкинса, тотчасъ же направились къ лѣстницѣ. Не поднялся только перувіанецъ.

— Отправляйтесь! — рѣзко сказалъ сеніоръ.

Матросъ злобно посмотрѣлъ на арестанта и вышелъ ворча.

— Сказалъ ли онъ вамъ, — началъ молодой человекъ, печально глядя вслѣдъ за матросомъ: — что я хотѣлъ подкупить его, чтобы онъ меня отпустилъ, но не могъ? Онъ просилъ слишкомъ много. Онъ думалъ, что у меня тутъ краденныя деньги или вещи, — прибавилъ онъ, горько усмѣхаясь и указывая на свертокъ, лежавшій подлѣ него.

— А у васъ нѣтъ денегъ?—просто сказалъ Перкинсъ

— Нѣтъ.

— Я вамъ вѣрю. А теперь, милый другъ мой, такъ какъ помощникъ капитана, матросъ и штурманъ ушли, не скажете ли вы мнѣ, почему вы хотѣли спрятаться?

Молодой человѣкъ поднялъ глаза на сеніора. Онъ жилъ въ продолженіе трехъ недѣль въ тѣсномъ кружкѣ, замѣтнымъ членомъ котораго былъ Перкинсъ, но теперь едва узналъ его.

— А если я откажусь?

Сеніоръ пожалъ плечами.

— Помощникъ капитана и штурманъ сочтутъ своимъ долгомъ свести перувианца къ капитану и меня позовутъ въ качествѣ переводчика.

— А я при первой же возможности брошусь за бортъ. Я сдѣлалъ бы это десять мннуть тому назадъ, но меня удержали.

Глаза его сверкнули такъ рѣшительно, что нельзя было сомнѣваться въ истинѣ его словъ.

— Я увѣренъ, что вы сдѣлали бы это,—снисходительно сказалъ Перкинсъ,—но не вижу въ томъ ни малѣйшей надобности, въ особенности, если вы будете такъ добры и научите меня, какъ говорить?

Молодой человѣкъ потушилъ глаза.

— Я хотѣлъ спрятаться въ этомъ люкѣ,—вымолвилъ онъ,—и думалъ остаться тутъ, пока «Экспельсіоръ» стоялъ бы въ Мазатланѣ. Я не зналъ, что корабль перемѣнилъ направленіе.

— А какъ, по-вашему мнѣнію, объяснили бы ваше отсутствіе?—ласково спросилъ Перкинсъ.

— Вѣроятно, подумали бы, что я свалился за бортъ до прибытія нашего въ Мазатланъ.

— Такъ что лицо, которое стало бы васъ искать, не нашло бы васъ тамъ, и васъ сочли бы погибшимъ?

— Да.—Опъ быстро поднялъ глаза на Перкинса.—Я не воръ и не убійца,—почти внѣ себя сказалъ онъ,—но не хочу, чтобы меня узнали люди, которые знали меня прежде.

Перкинсъ посмотрѣлъ на него пристально, точно хотѣлъ проникнуть въ его мысли.

— Другъ мой.—весело сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—васъ спасла сама судьба. Повторяю—васъ спасла судьба. Будь я склоненъ къ пророчествамъ, я сказалъ бы, что вы предназначены для какого-нибудь исключительнаго счастливаго положенія въ жизни

Молодой человѣкъ невольно съ недѣлнмъ посмотрѣлъ на него.